

ГАГАРИНА А. А. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ГАГАРИНА (урожд. Логофет) Александра Александровна, родилась в Курской губ. Проживала с сыном в Курске, с 1917 — работала в Уголовном розыске. В 1919 — выехала с сыном к мужу в Кисловодск, затем — в Теберду. При переезде в Сухуми была ограблена и ранена, муж при этом был убит. 23 мая 1931 — арестована в Сухуме «за антисоветскую агитацию», отправлена в Тифлис и заключена в тюрьму. 25 февраля 1932 — приговорена к ограничению проживания на 3 года (-6) и 26 марта освобождена; поселилась в Краснодаре.

В марте 1932 — обратилась за помощью к Е. П. Пешковой

<14 марта 1932>

«Председательнице Комитета
Помощи Политзаключенным
т<оварищу> Пешковой

Заявление

Александры Александровны
Гагариной.

В тяжелую минуту моей жизни я рискую обратиться к Вам с настоящим заявлением и просить выслушать меня.

Я освобождена 26/III-32 из <нрзб.> с лишением права проживания в Ленингр<адской>, Москов<ской>, Харьков<ской> обл<астях> и погран<ичных> районах. Находилась в заключении 9½ мес<яцев> и в Тифлис была препровождена в числе других арестованных из Сухуми. Следователем мне была предъявлена ст<атья> 58-10. Я уроженка Курской губ<ернии>, мой отец юрист и всю свою жизнь работал. Умер, состоя юрисконсультком Совпрофа Абхазии и членом законодат<ельной> комиссии при СНК Абхазии. Моя урожденная фамилия Логофет. Замужем я была всего 4 года, мой покойный муж тоже курянин, человек без средств, работал в земстве. Во время Германской войны, призванный как запасной, он был ранен и контужен в спину, следствием чего явилось тяжелое заболевание. По состоянию своего здоровья он совершенно законно в 1918 г<оду>, кажется, осенью, выехал в Кисловодск, я же с ребенком оставалась в Курске, где служила в Уг<оловном> ро<зыске>. При занятии Курска белыми я на 3-й день выехала к мужу и оставалась в Кисловодске до момента переезда в Теберду по совету врачей из-за слабых легких и начала туберкулеза у сына. Из Теберды я с семьей переехала в Абхазию. При переезде мы были ограблены, я ранена в голову, муж убит — это было при меньшевистской власти, со мной были и мои родители. При установлении Советской власти в Абхазии мой отец получил службу, и только с этого момента <мы> смогли существовать, ибо найти работу при меньшевистской власти было невозможно. Будучи ограбленная до нитки, с больным ребенком на руках, я пережила самое тяжелое время. При Советской власти я смогла стать на ноги, сын был принят в школу, и только Сов<етской> власти я обязана, что не погибла окончательно. У меня нет близких родных, и после смерти отца я являлась единственной работницей в семье. У меня больная, беспомощная старуха-мать, 67 лет, и больной легкими сын 18 лет, <они> остались в Сухуми без всяких средств к жизни. Мальчик работает монтером и, конечно, не может учиться. Он вырос и воспитан в духе советского строя.

Главной причиной моей высылки, очевидно, было письмо старого знакомого нашей семьи по Курску — чл<ена> Кур<ского> окр<ужного> суда А. Х. Ворзарь. Будучи переведен в Курск в бытность мою еще

гимназисткой, он, несмотря на свои годы (старше моего отца), благодаря исключительным чертам своего характера — оригинальности старого холостяка, старался быть с молодежью и зачастую быть даже смешным, что не мешало ему быть редко порядочным и благородным человеком. Узнав от своих знакомых, что я овдовела и живу с больным ребенком в Сухуми, что я очень нуждаюсь, он написал мне и прислал 20-ть дол<ларов> через Госбанк, это было в 1928 г<оду>, сопровождаемые злополучным письмом, в котором он меня просил сообщить о получении и писал о родственнице, проживающей возле Парижа, описав, кто она такая, как живет, объяснив, что письма лучше идут через Румынию. Я ответила открыткой, просила не беспокоиться и также не писать мне о людях, мне неизвестных и чуждых. Долгое время от него не было известий, но после смерти отца он прислал мне еще 30-ть дол<ларов> и затем стал присылать мне ежегодно для сына 20-ть дол<ларов>. Я далека была от мысли, что это глупое письмо сможет быть истолковано не в мою пользу. Что из себя представлял Ворзарь, я просила следователя навести справку в Курске. Я пострадала за болтовню старого оригинала, сама же ни на одну минуту не чувствуя себя виноватой. Мои клятвы, мои уверения, что я ничего подлого никогда не позволила бы в отношении Советской власти, конечно, не были приняты во внимание, — ко мне нет доверия, я в полном отчаянии. Находясь в заключение 9½ месяцев, я жила исключительно на 25 р<ублей>, которые получала за работу в цехе, теперь, освобожденная, я очутилась форменно на улице, для того, чтобы доехать до Краснодара, я заняла в Тифлисе, ибо из дома мне ничего прислать не смогли. Моя мать лежит тяжелобольная. Здесь в Краснодаре я нахожусь без угла, без службы, куда ни обратишься, не хотят слушать, и без гроша денег. Мое положение ужасно. Если бы я была преступницей, то я бы не рискнула беспокоить Вас своим заявлением. Я подала заявление о помиловании и разрешении вернуться в Сухуми, считая себя виноватой только в том, что после получения этого письма я должна была прекратить переписку, которая и была, если таковую можно назвать перепиской, раз в год. Нужда больной матери и сына заставили меня даже 20-ть дол<ларов> принимать, т<ак> к<ак> и это являлось для меня помощью. В Абхазии я служил с 21 г<ода>, два года рабочей на ф<абри>ке и 8-и лет юстиции и последний год в тресте Ткварстрой. О моей службе может дать справку прокурор Республики Абхазии, т<оварищ> Тарба. Мою работу, мою личную жизнь знают многие ответственные работники Абхазии.

Умоляю Вас войти в мое положение и помочь мне советом и Вашим ходатайством перед ЦИК СССР о разрешении мне вернуться в Сухуми.

Александра Гагарина.

14/III-32 Краснодар, до востребования»¹.

В апреле 1932 — к Е. П. Пешковой обратилась за помощью Вера Васильевна Лагофет, мать А. А. Гагариной.

<25 апреля 1932>

«Екатерине Павловне Пешковой

Заявление

Гр<аждан>ки Веры Васильевны Лагофет, проживающей в г<ороде> Сухуме. Я мать Александры Александровны Гагариной, которая была арестована 23 мая 31 г<ода>. В заключении Гагарина пробыла до 25 февраля 32 года, предъявили ей высылку -5 на три года, она выбрала Краснодар.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 773. С.178-179. Автограф.

Она единственная кормилица и поддержка меня, престарелой матери, и сына ее со слабыми легкими. Убедительно прошу дать ей возможность вернуться в Сухуми, т^{ак} к^{ак} нахожусь в бедственном материальном положении.

Вера Васил^{ьевна} Лагофет.

Сухуми, Пушкинская 13»².

В марте 1935 — Александра Александровна Гагарина была выслана в Чимкент³.

---

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 773. С.175. Автограф.

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1446. С. 95, 172; Д. 1567. С. 52-53.